

Социализация и региональное развитие в постсекулярном мире¹

Владимир Алексеевич Ручин,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры и культурологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратов.

E-mail: r-vl@yandex.ru

В статье рассматривается взаимосвязь процесса социализации молодежи и регионального развития в АТР. Делается попытка обозначить контуры модели социализации, выявить и минимизировать её основные риски. Внимание сфокусировано на роли человека в обществе, внешних и внутренних технологиях воздействия на социальные институты в постсекулярную эпоху. Суть этого представлена в повседневных практиках, используемых различными научными направлениями, среди которых ведущим остаётся гуманитарное. Ценностная интервенция в культурный компонент социального содержит признаки долговременной деформации архетипических представлений общественного сознания. Особая роль отводится религиозным коннотациям политического дискурса, дезориентирующим интенциональные установки личности. Продвигаемые в информационном пространстве категории и понятия искажают смысл происходящего и инициируют хаотизацию идеальной сферы, что задаёт и темп, и направленность мировоззренческой динамики. На фоне такой хаотизации мощные импульсы фрустрации приводят бытие человека в возмущённое состояние, вызывая неудовлетворённость и разрушение внутренней гармонии. Если к сказанному добавить, что Дальневосточный регион находится на оживлённом «перекрёстке» глобальных тенденций, а также конфессионально и социально весьма разнообразен, становится очевидным один из возможных факторов оттока населения — недостаточная сплочённость регионального сообщества. Исследование Дальневосточного региона, осуществлённое с учётом его этнорелигиозной и социокультурной мозаичности, нацелено на поиск социальной сплочённости как главного условия интенсивного развития. Автор посредством философского и социологического анализа приходит к выводу об особом значении духовной сферы в реализации программ экономического роста.

Ключевые слова: цивилизация, постсекулярный мир, социализация, ценностная интервенция, дискурсивные практики, духовная культура.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44127.

Socialization and Regional Development in the Postsecular World.

Vladimir Ruchin, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia. E-mail: r-vl@yandex.ru.

The paper examines the relationship between the process of socialization of young people and the development of the Asia Pacific Region. An attempt is made to outline the socialization model, to identify and minimize its main risks. The focus is on the role of a man in the society, external and internal technologies of impact on social institutions in the era of postsecularism. The essence of this impact lies in the framework of everyday practices implemented in various scientific directions among which the humanitarian remains the leading one. The value intervention in the cultural component of the social sphere contains signs of a long-term deformation of archetypal representations of social consciousness. The special role is assigned to the religious connotations of the political discourse, which disorient the intentional values of the individual. The categories and concepts promoted in the information space distort the meaning of events and initiate the chaotization of the ideal sphere, which sets both the pace and direction of the worldview dynamics. Against the background of such chaos, powerful impulses of frustration lead a person's being into an outraged state causing dissatisfaction and destruction of inner harmony. As the region is at a lively crossroads of civilizational tendencies and represents superdiversity in the confessional and social sense, it becomes evident that insufficient cohesion of the regional community is one of the possible reasons of the population outflow. The study of the Far Eastern Region in terms of ethnoreligious and sociocultural mosaic specifics is aimed at finding ways of social cohesion as a main condition for the stable development. The author concludes that the spiritual sphere has special significance in the implementation of economic development programs through a socio-philosophical analysis of the historical context.

Keywords: civilization, postsecular world, socialization, value intervention, discursive practices, spiritual culture.

Для России, как сказал Президент РФ Владимир Путин на пленарной сессии ВЭФ в сентябре 2021 г., развитие Дальневосточного региона имеет колоссальное значение. Здесь сосредоточены огромные природные ресурсы и важный для реализации масштабных планов человеческий капитал, в том числе мощные университеты и научные школы, среди которых особо выделим один из лучших востоковедческих центров в России — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Институт имеет «свои особенности, главная из которых — ориентация на страны и народы Северо-Восточной Азии и разнообразные проблемы не такого длительного, но весьма насыщенного бурными событиями российского присутствия в этом регионе мира. У него есть своё лицо, которое определяется неравнодушным и достаточно прагматичным отношением исследователей к изучаемому региону,

поскольку события вблизи азиатских границ России самым непосредственным образом влияют на их собственное бытие и сознание» [6, с. 60]. Академическая школа такого уровня для субъекта РФ, граничащего с Китаем, Кореей, Японией и в целом со всем Азиатско-Тихоокеанским регионом и при этом обладающего небольшим населением, особенно важна. Сегодня, когда поставлены беспрецедентные задачи по развитию Востока и Севера, человеческие ресурсы требуют не только значительного укрепления, но и синергетического эффекта сплочения регионального сообщества.

Как было отмечено главой государства, в Дальневосточном регионе сегодня «делается много, но пока всё-таки недостаточно, если мы наблюдаем отток населения. Темпы оттока сократились, но он есть». Следовательно, на фоне экономических успехов есть проблемы, а значит — требуется внимание учёных, в том числе «из смежных областей знаний» [6, с. 60], к вопросу социальной сплочённости в интересах успешного развития региона. Вот почему на основе методологии междисциплинарного синтеза рассматривается проблема роли человека в обществе с позиций процесса становления личности. Это смогло бы дополнить представления о реальном состоянии регионального сообщества, на которое оказывают влияние глобальные тенденции. Применяемый традиционно прагматический подход, связанный, например, с уровнем финансирования или старения населения, на наш взгляд, упрощает ситуацию и разрушает целостную картину. Более того, он исключает такое важное понятие, как внутренний мир человека, опыт бесконечного и целенаправленного обновления личности [3, с. 105]. Иначе говоря, прагматизм не уделяет достаточного внимания духовной сфере, а это не позволяет глубже изучить социальную действительность.

Попытка проанализировать проблему социализации и социальной структуры региона с позиций феноменологической, дискурсивной методологии на основе системного подхода сделана на материале, полученном в ходе экспертных интервью.

Двигаясь в рассуждениях от общего к частному, остановимся первоначально на глобальном социуме, ткань которого, считая идеологами постмодернизма, рвётся под воздействием лобового столкновения цивилизаций. Векторы столкновений постоянно меняются: от климатического, экономического до политического и даже военного, но всё-таки гуманитарное направление неизменно присутствует, часто облекаясь в нравственно-этическую оболочку. Причина в том, что «ядром процессов глобализации выступает человек, его отношение к себе, природе и миру» [9, с. 6], но всепроникающая глобализация подчинена только коммерческой выгоде.

Важная примета времени — переживаемый индивидом мощный импульс фрустрации, который приводит внутреннее бытие человека в возмущённое состояние. Ценностное противостояние, психологический

надрыв, неудовлетворённость вынуждает его страдать из-за отсутствия внутренней гармонии и либо обретать её в духовных практиках, либо терять интерес к жизни. Как правило, духовные практики подсознательно связываются с религиозной традицией близкой в культурном отношении этнической группы, а основанием таких практик является внутреннее стремление человека к целостному миру. «Повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира... Это мир, создающийся в их мыслях и действиях, который переживается ими в качестве реальности» [1, с. 40]. Стремление к целостности — зов бытия, исходящий из повседневной жизни, её неопределённости, незащищённости, предопределяет дивинацию. Таким образом, транзитивность последних десятилетий, прежде всего в регионах, усложнила жизнь, разочаровала внутренней неустроенностью и бесконечным противостоянием.

Столкновение коллективизма и индивидуализма, однополярности и многополярности подтверждает, что «взаимодействие культур, вероятно, не ограничится стремлением к взаимопониманию и взаимоуважению, а будет порождать со временем новые системы отношений. Возможно, именно в процессе взаимной адаптации разных культурных миров возникнет основа для принципиально нового цикла развития цивилизации» [12, с. 57]. Разные культурные миры порождают разные идеалы. Европейец воспринимает себя творцом, вершиной творения, а на деле выплёскивает кризис европейского человечества [3, с. 104] вплоть до берегов Тихого океана. Этот кризис до конца не понимается и не принимается российским общественным сознанием, установками на национальную самобытность в духе Логоса русской культуры [10, с. 116—122]. Сегодня можно воочию наблюдать, как это неприятие иного заставляет действовать созданные из архетипических элементов тяжеловесные конструкции этнорелигиозных механизмов. В результате азиатские регионы наполняются противоречиями и стремятся к своему устойчивому состоянию — к традиции. На российских дальневосточных территориях с их слабо укоренённой традицией, на фоне либерального и неорелигиозного тренда возник не существовавший в недалёком советском прошлом конфессиональный калейдоскоп. Это послужило импульсом к складыванию новых форм жизни как способов организации человеческого бытия и ценностного регулирования отношений между людьми, представляющих симбиоз двух эпох — Постмодернизма и Просвещения.

В эпоху Просвещения секуляризация, интерпретацией которой был советский период, играла роль интегратора общества и действовала преимущественно в интересах материального прогресса. Вот почему в сознании дальневосточников устойчиво сохраняется внешняя религиозность и внутренний прагматизм. Следует отметить, потенциал религии с присущей ей свойством упорядочивать и в прежние времена не исчезал: даже в эпоху атеизма принципы религиозной организации всегда

присутствовали в политической жизни. На основе идей эпохи Постмодерна и «рассуждений о крахе метанарративов» [2, с. 143—149] постсекулярность утвердила социальную разобщённость, декларируя при этом примирение иррационального и рационального. На самом деле это было выражением воли политических элит взять под контроль власть и финансовые потоки в ходе деколонизации и установить «удобный» для себя порядок. Во времена максимально развёрнутых форм государственности западные элиты таким образом сохранили за собой контроль над обществом. В России, в том числе на Дальнем Востоке, идеи постмодернизма, соединённые с постсекулярностью, на волне больших человеческих ожиданий породили смущение в обществе, а затем и социальный хаос, преодолеваемый сегодня более устойчивым социальным порядком, в котором религиозность стала повседневной, но не до конца общепризнанной нормой.

Идеи постсекуляризма к нам пришли на рубеже XX—XXI вв., в период перестройки — времени разрыва исторических связей, периода формирования православного образования и возрождения религиозной жизни [11, с. 144—163]. В 90-е гг. жизнь в условиях реального риска была потрясением, а потому религиозное, пусть и в суррогатном виде, стало утешением. Однако в позднюю перестройку индивидуалистический характер социального отторжения советское прошлое с его безгрешным идеалом человека, который гордо реял «между тучами и морем», между прочим, во имя социальной идеи справедливости и альтруизма. На смену социалистическому прошлому пришло криминальное настоящее, а затем советский идеал столкнулся с конфессиональным «суперразнообразием». В современных условиях постсекулярного мира и конфессиональной многослойности региональные сообщества ставят новый вопрос — вопрос о соотношении «гражданской и этнической идентичности, так как оно будет определять вектор будущего развития общества» [16, с. 117—121]. Поэтому, как и во всей стране, в дальневосточных регионах прокладывается курс между Сциллой и Харибдой, т.е. путь между либеральным индивидуализмом, в том числе религиозным, и цивилизационным единством.

Однако идея единства общества конкурирует с идеей сплочённости социальной группы, которая иногда оказывается более надёжной средой безопасного существования. Ведь «победа» постмодернистских идей над секулярными ограничила возможности защиты личности, а вместе с ними и объединительные начала в обществе. Борьба за абсолютное равенство, мультикультурализм на почве российской цивилизации спровоцировали конкуренцию конфессий, этносов и новую миграционную ситуацию. Это стало причиной, почему постсекулярное общество не стало желанным будущим, которого ждали как общество примирения и спокойствия, напротив, сохраняется культурное дробление и дезинтеграция. Сегодня преодоление разобщённости достигается светскими общегосударственными и значимыми общерегиональными праздниками. Кроме

того, процесс конструктивной социализации в региональных сообществах проходит на фоне процветающего консьюмеризма, а потому социальная ситуация остаётся неоднозначной. Люди периодически испытывают культурный шок, смягчаемый эвфемизмами дискурсивных практик.

Дискурс, по Ю. Хабермасу, — технология, ориентированная на согласование мнений и ценностей, т.е. согласование мировоззренческих установок посредством диалога. Глобальный социум, а вместе с ним и регионы мира продолжают испытывать на себе волны дискурсивного управления и его давления на национальные социально-экономические уклады. Процедура глобального согласования как «основа всякого коммуникативного взаимопонимания, в определённой мере сродни непринуждённой, объединяющей, рождающей консенсус силе аргументирующей речи» [17, р. 191—195] стала сакральным явлением, трансформированным из инструмента в цель. В этой связи влияние западного глобализма разбавляется конкуренцией азиатских соседей за цивилизационное присутствие в культурно-образовательном пространстве регионов. В то же время статус коллективного диалога, внешне направленный на достижение консенсуса [14, с. 78—106], низводится с ранга глобального подхода до уровня политической технологии в цивилизационном противостоянии.

Всякая технология базируется на теории, которая, по сути, идеалистична и рассчитана на особый уровень социально ответственных граждан. О. Конт был увлечён мечтой о позитивном, гармоничном общественном развитии. По мнению французского социолога, стремление общества прийти к социальному миру даст возможность найти единую цель — облагораживание действительности, где частное и общественное сольются воедино [5, с. 554]. Однако в период социальных потрясений верх берут противоречивые тенденции, согласовать которые бывает просто невозможно, как это и было в острый период перестройки. Более того, в подобных ситуациях иногда консенсус становится разрушительной силой. Именно так, на односторонне выгодном согласии, могут действовать, например, социальные сети. Попадая в ситуацию неопределённости, находясь в сложном (в мировоззренческом смысле) регионе, молодой человек легко теряет личный суверенитет и существует в условиях мнимой реальности под воздействием разновекторных дискурсивных практик.

Дискурсивные практики — институционализированное общение с необходимостью соблюдения определённых правил поведения в широком диапазоне информационных ситуаций. Злоупотребление благоречивыми, обтекаемыми фразами позволяет видоизменять восприятие реальной жизни и сбивать с толку людей, особенно молодёжь. Почему? Эвфемизмы привлекательны, удерживают внимание ярким комбинированием религиозных, образовательных и социальных фактов. Вот почему сегодня масштабное онлайн-общение в цифровом пространстве по-настоящему стирает границы и личности, и социокультурного пространства, нередко вовлекая человека в цивилизационное противостояние.

Общеизвестно, что информация, внесённая извне, если она внешне отвечает требованиям институционального контроля, проходит беспрепятственно. Сфера технологического контроля может улавливать языковые особенности стиля речи, но в области смыслов и норм общения возникает слабое место. Ситуация требует оперативного анализа и контроля существующих дискурсов, которые представляют собой, с одной стороны, кальку социальных отношений, а с другой, могут прямо влиять на повседневную жизнь. Вот почему существующие приёмы подачи информации требуют постоянной расшифровки не только рациональных конструктов, но и метафорических моделей. В интересах сохранения идентичности мониторинг информационного пространства требует хорошо выстроенной системы языковой коммуникации в разных секторах информационного пространства, с заранее принятой установкой на поиск признаков типа деструктивного дискурса. Опора на теорию коммуникативного действия, построенную на понимании автономии социализированного индивида как отдельной персоной, так и сообществом [13], может и должна способствовать удовлетворению антропологических потребностей человека в процессе интеракции.

Антропологическая потребность человека в высших идеалах общепризнанна, а сами идеалы достаточно устойчивы. Однако в неустойчивой мировоззренческой среде имплантация иных ценностей посредством агрессивных дискурсивных практик упрощена. Общественное мнение локальных сообществ жёстко детерминируется характером информационного потока, бурлящего в ущелье ценностных установок. Сегодня социальные группы, общины и сообщества действуют только в рамках определённого дискурса, который выступает в качестве устойчивой связи «с внешними по отношению к нему факторами, наличествующими в социальной динамике» [8, с. 55—59]. Сила такой динамики зависит от мощности потенциала дискурсивных практик, умножается коннотациями конфессиональных диспозиций. В этих условиях темпоральность социального мира множится, растёт противоречивость многослойного общества, увеличивается многообразие субкультур. Неопределённость в сочетании со сложностью поставленных задач увеличивают риск дезинтеграции социума, появление деструктивных поведенческих стратегий, причём не только среди молодёжи.

Вместе с тем постановка важных задач регионального развития увеличивает напряжённость идеологического поля, силовые линии которого выстраивают политические элиты по векторам господствующих нравственно-этических смыслов и сакрально-когнитивных комплексов [7]. На фоне масштабного ментального противостояния де-факто идёт процесс клерикализации политики и политизации религии. Мы наблюдаем новый этап трансформации элит, имеющих, как известно из новейшей истории России, колоссальное влияние на интеграционные процессы в обществе [4]. В такой ситуации для противодействия возникающим

перегрузкам необходима концентрация внимания на социальной организации, а потому процесс социализации переходит из статуса повседневного в статус экзистенциального существования. Таким образом, достижение стабильного и долговременного развития региона требует новой модели социализации, способствующей выявлению и минимизации основных рисков по всем направлениям адаптации различных социальных групп, особенно в цифровую эпоху.

Эпоха цифровизации позволяет беспрепятственно осуществлять ценностную интервенцию, которую, на наш взгляд, можно было бы, подражая современным заимствованиям, назвать «валью-хакинг». Такая интервенция выступает как авангард внешнего проникновения в региональное социально-экономическое пространство, когда начинают активно действовать не подчинённые никаким правилам арьергарды идеологической борьбы, часто облачённые в нравственно-этическую оболочку.

Противоречивые факторы становления нового поколения дальневосточников в условиях нарастающего регионального развития требуют комплексного подхода к специфике социальной среды. Специфика, как правило, определяется отношением к роли человека в решении социально-экономических задач и — на этой основе — состоянием социального иммунитета, препятствующего или не препятствующего любому виду деформации. Внешние и внутренние попытки деформации устоявшихся культурных образцов превращают российские регионы в полигоны противостояния культур, конфессий, этносов, экономик и, наконец, цивилизаций. Можно ли в этих условиях быстро приостановить отток граждан, изменить параметры социализации? Определённо нет, существуют обоснованные временные границы изменения регионального сообщества, быстро преодолеть которые не позволяет человеческая природа. Однако многое зависит от точной постановки задачи в гуманитарной сфере.

Одной из главных задач при анализе развития Дальневосточного региона, которую, на наш взгляд, предстоит решать в ближайшее время, является изучение социальной мобильности молодёжи, т.е. изучение под этим углом процесса социализации, в том числе социализации религиозной, так как «современное общество характеризуется не только увеличением конфессионального многообразия, но и его трансформацией. Скорость распространения религиозных ценностей значительно увеличилась благодаря миграционным процессам» [15, с. 192—197]. Построение оптимальной модели социализации, снижающей влияние деструктивных обстоятельств и формирующей идентичность, требует повседневного соработничества регионального сообщества и власти в деле адресного, а не обобщённого, статистического подхода к делам молодёжи. Кроме того, реализация идеи социальной сплочённости диктует комплексный мониторинг дискурсивного пространства и целенаправленное повышение компетентности управления в таких областях, как социология, религиоведение и востоковедение.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бергер П., Лукман Т. Конструирование социальной реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
2. Бубнов Е.С. Когнитивная эмпатия и рациональные реконструкции истории науки // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 143—149.
3. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 101—116.
4. Коваленко С.Г., Болдырев Р.Ю., Болдырева С.Ю., Попов И.Д., Пуховская Н.Е. Отношение российских регионов к распаду СССР и выстраиванию новой вертикали власти (1990—1993 гг.): сравнительный анализ на примере Русского Севера и Дальнего Востока // Вопросы истории. 2021. № 7—1. С. 46—65. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202107Statyi04.
5. Конт О. Курс позитивной философии // Антология мировой философии. М.: Мысль, 1971. Т. 3. С. 550—586.
6. Ларин В.Л. Востоковедение в институте истории: конструирование своего пути // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2021. Т. 30. № 1. С. 38—95.
7. Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. М., 1988. 256 с.
8. Орлов М.О. Этика дискурса как основа стратегий социализации в глобализирующемся мире // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 55—59.
9. Орлов М.О., Дьяков А.А., Соколова Д.М. Управление процессами социализации в условиях глобализации / под ред. М.О. Орлова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2011. 272 с.
10. Поповкин А.В. Логос русской культуры на берегах Тихого океана // Ойкумена. 2017. № 2. С. 116—122.
11. Поповкина Г.С. Религиозное образование на юге Дальнего Востока России в постсоветское время // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 9. С. 144—163.
12. Степин В.С. Новые ориентиры цивилизации // Экология и жизнь. 2000. № 4. С. 4—7.
13. Тетюев Л.И. Идея коммуникативного разума в социальной философии Юргена Хабермаса. URL: <https://clck.ru/YtnWp> (дата обращения: 10.10.2021).
14. Тетюев Л.И. Трансцендентальная философия: современный проект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2001. 292 с.
15. Федирко О.П., Владимирова Д.А. Религиозное неравенство на Дальнем Востоке России через призму судебной практики (2016—2019 гг.) // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7—4 (109). С. 192—197.
16. Черепанова М.И., Неваева Д.А., Щеглова Д.К., Сарыглар С.А. Этнокультурная идентичность населения Алтайского края // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2016. № 8—1. С. 117—121.
17. Habermas J. *Der Philosophische Diskurs der Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1985. 450 p.

REFERENCES

1. Berger P., Lukman T. *Konstruirovaniye sotsial'noy real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [Construction of Social Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow, 1995, 323 p. (In Russ.)
2. Bubnov E.S. Kognitivnaya empatiya i ratsional'nye rekonstruktsii istorii nauki [Cognitive Empathy and Rational Reconstruction of the History of Science]. *Voprosy filosofii*, 2019, no. 7, pp. 143—149. (In Russ.)

3. Gusserl' E. Krizis evropeyskogo chelovechestva i filosofiya [The Crisis of European Humanity and Philosophy]. *Voprosy filosofii*, 1986, no. 3, pp. 101—116. (In Russ.)
4. Kovalenko S.G., Boldyrev R.Yu., Boldyreva S.Yu., Popov I.D., Pukhovskaya N.E. Ot-noshenie rossiysskikh regionov k raspadu SSSR i vystraivaniyu novoy vertikali vlasti (1990—1993 gg.): sravnitel'nyy analiz na primere Russkogo Severa i Dal'nego Vostoka [The Attitude of Russian Regions to the Collapse of the USSR and the Building of a New Vertical of Power (1990—1993): A Comparative Analysis on the Example of the Russian North and the Far East]. *Voprosy istorii*, 2021, no. 7—1, pp. 46—65. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202107Statyi04. (In Russ.)
5. Kont O. Kurs pozitivnoy filosofii [Course of Positive Philosophy]. *Antologiya Mirovoy Filosofii* [Anthology of World Philosophy]. Moscow, Mysl' Publ., 1971, vol. 3, pp. 550—586. (In Russ.)
6. Larin V.L. Vostokovedenie v institute istorii: konstruirovaniye svoego puti [Oriental Studies at the Institute of History: Designing your Own Path]. *Trudy IIAE DVO RAN*, 2021, vol. 30, no. 1, pp. 38—95.
7. Ogurtsov A.P. *Distsiplinarnaya struktura nauki* [Disciplinary Structure of Science]. Moscow, 1988, 256 p. (In Russ.)
8. Orlov M.O. Etika diskursa kak osnova strategiy sotsializatsii v globaliziruyushchemy mire [Discourse Ethics as a Basis of Socialization Strategies in a Globalizing World]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, series "Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika", 2012, vol. 12, no. 2, pp. 55—59. (In Russ.)
9. Orlov M.O., D'yakov A.A., Sokolova D.M. *Upravlenie protsessami sotsializatsii v usloviyakh globalizatsii* [Management of Socialization Processes in the Context of Globalization]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta Publ., 2011, 272 p. (In Russ.)
10. Popovkin A.V. Logos russkoy kul'tury na beregakh Tikhogo okeana [Logos of Russian Culture on the Shores of the Pacific Ocean]. *Oykumena*, 2017, no. 2, pp. 116—122. (In Russ.)
11. Popovkina G.S. Religioznoe obrazovanie na yuge Dal'nego Vostoka Rossii v post-sovetskoe vremya [Religious Education in the South of the Russian Far East in the Post-Soviet Era]. *Obrazovanie i nauka*, 2017, vol. 19, no. 9, pp. 144—163. (In Russ.)
12. Stepin V.S. Noveye orientiry tsivilizatsii [New Landmarks of Civilization]. *Ekologiya i zhizn'*, 2000, no. 4, pp. 4—7. (In Russ.)
13. Tetyuev L.I. Ideya kommunikativnogo razuma v sotsial'noy filosofii Yurgena Khaber-masa [The Idea of Communicative Reason in the Social Philosophy of Jurgen Habermas]. Available at: <https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/nodes/67922.pdf> (accessed 10.10.2021). (In Russ.)
14. Tetyuev L.I. *Transtsendental'naya filosofiya: sovremennyy proekt* [Transcendental Philosophy: A Contemporary Project.]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta Publ., 2001, 292 p. (In Russ.)
15. Fedirko O.P., Vladimirova D.A. Religioznoe neravenstvo na Dal'nem Vostoke Rossii cherez prizmu sudebnoy praktiki (2016—2019 gg.) [Religious Inequality in the Russian Far East through the Prism of Judicial Practice (2016—2019)]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2021, no 7—4 (109), pp. 192—197. (In Russ.)
16. Cherepanova M.I., Nevaeva D.A., Shcheglova D.K., Saryglar S.A. Etnokul'turnaya identichnost' naseleniya Altayskogo kraya [Ethnocultural Identity of the Population of the Altai Region]. *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo*, 2016, no. 8—1, pp. 117—121. (In Russ.)
17. Habermas J. *Der Philosophische Diskurs der Moderne* [The Philosophical Discourse of Modernity]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag Publ., 1985, 450 p. (In Germ.)